

## ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С МУСУЛЬМАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — XVII вв.

**Т. А. Чернова**

*Челябинский государственный университет, Троицкий филиал,  
г. Троицк, Российская Федерация*

В статье рассматриваются тенденции, обусловившие взаимоотношение московской власти к мусульманскому населению Урало-Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. Автор конкретизирует терминологию, используемую в историографии, прежде всего термин «насилие» и его соотношение с государственной властью. Анализируются тексты многочисленных указов, касающихся религиозной жизни мусульман, в том числе указ от 16 мая 1681 г., представленный в историографии как поворотный пункт к полномасштабному притеснению коренных народов Поволжья. Указываются причины, побудившие государство вводить санкции против мусульманского населения. Особый интерес автора составляет география этих указов и масштаб их влияния на башкир. Делается вывод об отсутствии законодательно закрепленной политики по христианизации нерусского населения Поволжья и Приуралья. А также опровергается мысль о том, что указ 1681 г. послужил главной причиной башкирского восстания 1681–1684 гг. Анализируется положение ислама по сравнению с другими неправославными религиями.

*Ключевые слова:* ислам, мусульмане Урало-Поволжья, религиозная политика российского государства, татары, башкирские восстания.

Религиозная политика государства в Урало-Поволжье в XVI–XVII вв. является одним из самых сложных и дискуссионных аспектов русско-башкирских отношений этого периода. Современная башкирская и татарская историография практически однозначно рассматривает данный вопрос в русле планомерного насильственного обращения местных жителей в христианство [2; 8–10; 12; 20]. Указ царя Федора Алексеевича от 16 мая 1681 г. расценивается как апофеоз притеснения исламской веры, окончательное решение властей изменить конфессиональную карту Урало-Поволжья, и даже как главную причину башкирского восстания 1681–1684 гг.

Начиная с «наказной грамоты» (1555 г.) Ивана IV первому казанскому архиепископу Гурию, Русское государство стремится выстроить систему отношений с мусульманскими подданными — жителями бывшего Казанского ханства. На первом месте, естественно, было создание условий для перехода «новых» подданных в православие. Светская власть в России испокон века опиралась на православную Церковь, а православное население было социальной опорой царской власти, поэтому с присоединением Казанского ханства, перед властью очень остро стоял вопрос о формировании у казанцев «верноподданических чувств» по отношению к новому правителю. И РПЦ должна была идти в авангарде этого движения. Акт принятия православия своеобразным образом демонстрировал готовность местного населения принять изменившиеся властные отношения, рассматривать московскую власть не как вчерашнего врага и узурпатора, а как легитимного правителя.

Созданная Казанская епархия хоть и охватывала огромную территорию [11, с. 29–30], на деле реализация полномочий зависела от степени

освоенности региона. Башкирский край, хоть и входил формально в состав Казанской епархии, был слишком автономен от центральной власти, чтобы говорить о массовом проникновении православных миссионеров [15, с. 140, 143–144; 9, с. 146]. Долгое время церковное строительство, да и то не особо активно, ведется преимущественно близ г. Уфы — оплота московской власти в регионе.

При проведении христианизации Гурию предписывалось руководствоваться «началами любви христовой» — крестить только тех, кто добровольно изъявит желание, вести миссионерскую работу методом убеждения, без жестокости и насилия [9, с. 146]. Иван IV тем самым демонстрирует, что является не жестоким захватчиком, а «белым падишахом», радующим о своих подданных. Архиепископ Гурий должен был обратить особое внимание на тех татар, которых власти привлекали к суду. За принятие крещения архиепископ мог освободить осужденного от наказания. Ряд ученых считают данную меру подтверждением того, что царское правительство делало ставку на принудительную христианизацию [6, с. 83; 8, с. 68]. Безусловно, сложно говорить об искреннем принятии другой веры в ситуации, когда человек вынужден выбирать между уголовным преследованием и сменой религии. Однако, мы не об искренности и говорим. Что же касается добровольности, данное условие выполнено — человек волен был решать. Никаких дополнительных тягот и наказаний не предполагалось, если преступник не соглашался принять православие.

Круг миссионерских интересов архиепископа Гурия очерчивался представителями титулованной татарской знати, другие народы не упомянуты [9, с. 148]. Крещение представителей местной элиты и воинов бывшего ханства являлось наиболее

эффективным средством инкорпорации их в российскую социальную иерархию.

Чтобы стимулировать переход мусульман в православие, Московское правительство прибегало к материальному вознаграждению новокрещен. Размер вознаграждения зависел от социального статуса человека [16, с. 18].

Другой немаловажной задачей было дальнейшее сопровождение неофитов, включение их в православное общество, недопущение возврата к прежним верованиям. Царская грамота от 18 июля 1593 г. ориентировала власти на принятие мер по удержанию новокрещен в лоне православной церкви. Грамота разрешала применение широких административных мер вплоть до телесного наказания и заключения в тюрьму провинившихся. Данная грамота стала реакцией на сообщение митрополита Гермогена о несоблюдении новокрещенами христианских обычаев, приверженности старым мусульманским традициям: «к церквам Божиим не приходят, и крестов на себе не носят, и в домах своих Божиим образом и крестов не держат, <...> отцов духовных не имеют, ... и детей своих не крестят... и умерших к церкви хоронить не носят, кладут по старым своим татарским кладбищам; <...> во все посты, и в среды и в пятницы, скором едят» [19].

В документе однозначно сделан акцент на стремление властей удержать неофитов в православии. Предписывалось расселить новокрещен и мусульман, создать для первых отдельные слободы близ Казани, наказывалось обеспечить эти слободы «духовным сопровождением» — «и слободу им устроить, и церковь поставити» [19]. В противном случае следовало наказание: «а которые новокрещены хрестьянские веры крепко держати и поученья митрополита и отцов духовных слушати не учнут, и вы б тех велели смиряти, в тюрьму сажати, и бити и железа и в цепи сажати, а на иных и заповеди имати, а иных отсылали к митрополиту, и митрополит им епитимьи чинит» [19]. Как очевидно из текста грамоты, речь, во-первых, идет только о крещенных, и интересы мусульманского населения не затрагивает. Во-вторых, наказание было дифференцированным — не только физическое, но и духовное.

Немаловажен тот факт, что данный указ касается не только наказания новокрещенных, но призван защитить русское православное население от исламского, а также и от католического влияния: «многие де русские полоняники живут у татар, <...> и пьют с ними, и едят с одного и женятся у них, да многие ж де русские люди, <...> живут у немец <...> добровольно и в деньгах, и те де все люди также крестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру, а у немец в римскую и в люторскую веру» [19].

Здесь четко вырисовывается другая сторона проблемы, о которой в историографии практически не упоминается. А именно — исламизация пришлого, прежде всего русского, населения края. Тем более, сложно понять насколько добровольно шел переход из православия в ислам, католичество или лютеранство. Особенно, если учитывать, что речь идет о «полоняниках», зависимых людях. Неудивительно, что правительство стремится защитить своих ис-

конных подданных, не допустить массового распространения ислама среди русских. Православное население было социальной опорой самодержавия, неудивительно, что любая попытка посягнуть на данную страту рассматривалась государством как посягательство на саму власть и мгновенно пресекалась. Администрация распорядилась выкупить должников-православных за счет средств казны и перевести их в дворцовых крестьян или передать татарам-новокрещенам [19].

Если позиция государства по отношению к татарам в конце XVI — начале XVII вв. вполне ясна, и выражается в поощрении принятия православия с одной стороны и защите русского населения от исламизации с другой, то вопрос с христианизацией башкир остается открытым. С одной стороны крайне мало информации о христианских миссионерах, действовавших на территории Башкирского края в этот период. С другой стороны, Башкирский край в принятых указах не упоминается, тут мы видим наглядное проявление той широкой автономии и духовной свободы, которую получили башкиры, добровольно признав над собой власть Москвы.

Во второй половине XVI — начале XVII в. государство придерживалось своих обещаний не преследовать религию и обычаи башкир. Во всяком случае, нет прямых свидетельств о массовой христианизации населения края, тем более насильственной. Планы по христианизации жителей бывшего Казанского ханства, затрагивали, прежде всего, татар, а не башкир. Скорее всего, это связано с тем, что имея в прошлом опыт государственного устройства, разветвленную сеть мечетей и медресе, многочисленных образованных мулл и имамов, Казань представляла большую угрозу для государства, нежели разрозненные башкирские роды с поверхностной исламизацией и крепкими доисламскими традициями. Русская колонизация Башкирского края также численно уступала переселенцам в Казани, поэтому говорить об исламском влиянии башкир на русских также не приходится. Башкиры, живя автономно, не создавали конфессиональных проблем для Москвы. Поэтому и не удивительно, что на протяжении почти века после принятия подданства башкирами, государство практически не вмешивалось в их духовную жизнь.

В начале XVII в. государство продолжает защищать православное население от притеснений. С 1627 г. мусульманам было законодательно запрещено иметь собственных холопов-православных. Ограничение обосновывается тем, что «православным христианам от иноверцев чинитца теснота и осквернение» [цит. по: 16, с. 19].

Государство закрепляло за православной церковью исключительное право миссионерской деятельности в государстве. Соборное Уложение 1649 г. вводило наказание за «сворачивание в мусульманскую веру». В качестве наказания предусматривалась смертная казнь путем сожжения для иноверца, совратившего православного, последний подвергался только епитимье: «А будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русскаго человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а същется про то

допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия. А кого он русскаго человека обусурманит, и того русскаго человека отослать к патриарху, ... и велети ему учинити указ по правилу Святых Апостол и Святых Отец» [17, с. 291].

Однако необходимо помнить, что Россия стала практически единственной страной, в которой массовое сожжение, присущее средневековой Европе, не применялось [5, с. 189; 3, с. 4].

В середине XVII в. принимается целый ряд законов, ограничивающих землевладельческие права иноверцев, как бы подталкивая их к смене вероисповедания ради сохранения своих привилегий. Однако, речь опять таки идет прежде всего о татарах, башкиры оставались на периферии этого движения.

Указы Алексея Михайловича от 1651 и 1653 гг. [13, с. 262—263, 308], открыли возможность для перехода земель нерусских феодалов в руки русских помещиков [12, с. 49]. Отныне в случае продажи иноверными феодалами земли она попадала в руки русских или новокрещеных. Постепенно поместная форма землевладения должна была полностью вытеснить вотчинную, и иноверцы, чтобы получить земельный надел, не имея возможности его купить, были обязаны служить государству. Однако, следует помнить, что процесс слияния поместий и вотчин, набравший все больший размах в российском обществе, для русской его части также носил принудительный характер и проводился в жизнь ускоренными темпами. Поэтому, данный указ не следует рассматривать как исключительную меру.

К тому же необходимо понимать, что отношения государства с подданными всегда носят утилитарно-прагматический характер, поэтому верная служба иноверцев всегда остается в большем приоритете, нежели стремление государства подтолкнуть их к смене религии. Участники русско-турецкой войны 1676—1681 гг. получали жалованье за участие в боевых действиях. Все лица, получившие ранения под г. Чигирином были награждены деньгами и землей (указ от 29 сентября 1678 г.) [14, с. 178—179] и, что самое главное, никакой градации вознаграждений по национально-религиозному признаку не было.

Государство также оказывало экономическую поддержку новокрещенным, не останавливаясь только на самом акте крещения. 23 марта 1678 г. Федор Алексеевич издал указ, в котором был заложен комплекс мер по социальной защите ясачных новокрещен. Неофитам, ставшим батраками у нерусских, указывалось выделить наделы, а оставшимся без земельных наделов — обеспечить условиями для ведения хозяйства и предоставить льготы «в тягле» [8, с. 73]. В случае выявления факта совместного проживания новокрещена в своем доме с родственниками прежней религиозной традиции, предписывалось последних выселять к мусульманам [8, с. 73—74]. Т. о. попечение о социальном статусе новокрещеных являлось важной чертой земельной политики власти. Предоставление земельных угодий, налоговые каникулы, особое «ласковое» отношение, являются традиционными рычагами, используемыми правительством в деле христиани-

зации [9, с. 157]. Между 1670 и 1680 гг. действовал указ о поощрении новокрещенных жалованьем «по три рубля денег, да по сукну» [8, с. 68]. Выделение казенных средств на крещение свидетельствует о материальном поощрении как основе христианского просвещения [8, с. 68].

В 1680 г. вновь был поднят вопрос о вотчинах иноземцев, принявших православие. Несмотря на положение Соборного Уложения 1649 г., устанавливается новый принцип наследования земли, приоритет отныне отдавался не ближайшим, а крещенным родственникам: «после крещеных иноземцев давать вотчины родственником и родственницам крещеным, а некрещеным родственником <...> не давать» [14, с. 262]. Если до этого указа такая норма и существовала, то выполнялась от случая к случаю. Теперь же она была взята за общее правило разрешения подобных дел [12, с. 53].

Интересно, что уже в феврале 1681 г. государство сталкивается с многочисленными челобитными, в которых находит отражение недовольства новокрещен тем фактом, что обещанные выплаты либо даны не в полном размере, либо не даны вовсе: «... мурзы татаровя и мордва и иных вер иноверцы многие крестятца в православную христианскую веру, а <...> жалованья, за недоборы денежной казны, за крещение им не дано, а иным дано несполна против указных статей» [цит. по: 8, с. 70]. Особенно примечателен тот факт, что не только государство использует прагматичный подход к проблеме, делая ставку на финансовую заинтересованность смены религии, но и сами подданные совершенно однозначно воспринимают акт крещения только как возможность обогатиться. Ни о какой морально-нравственной стороне вопроса и тем более искренности речи не идет.

Государство на жалобы о недоплатах за крещение, отреагировало вполне логично — за неимением в казне ресурсов, выплаты были заменены на налоговые льготы: «для того крещения, вместо <...> жалованья, им, новокрещеном мурзам и татарам и всяким служивого чину людям, в службе давать лготы на шесть лет, а ясачным людям в ясак и во всяких податях в плотяже лготы на шесть лет же» [цит. по: 8, с. 70].

Указ от 16 мая 1681 г. некоторыми историками трактуется как провозглашение принципа насильственной христианизации [2; 8; 9; 12]. Но надо обратить внимание, что это были лишь ответные шаги правительства на притеснения православных крестьян со стороны феодалов—мусульман: «... мурзы и татарове в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят много налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере и чинят осквернение...» [14, с. 312—313]. В тексте указа не названы конкретные «обиды», но можно предположить, что речь идет о бытовом непонимании между православными и мусульманами. Государство, в 90-х гг. XVI в. уже обозначившее свое негативное отношение к исламизации русских крестьян, вновь было вынуждено защищать своих православных подданных. Так как ситуация была не нова, и мусульмане прекрасно представляли реакцию властей, неудивительно, что указ от 16 мая 1681 г. регламен-

тирует довольно жестокое наказание за притеснения православных — вотчинники теряли свои земли: «мурзам и татаром сказать, что изпомещены они будут» [14, с. 313]. Впрочем, следует напомнить, что еще в 1653 г. был издан подобный указ, касающийся инославных. У немцев, которые ввели налоги для православных крестьян, были изъяты поместья [13, с. 292]. Наказание последовало после того, как стало известно об «онемечивании» православных: «...некрещенные немцы, им крестьяном чинили всякую налогу и утеснение в нашей православной христианской вере <...> и крестьянским душам многое осквернение, <...> и с ними неволею всячески приобщались, и от святыни, по неволе от них немец, отлучались» [13, с. 292—293]. Очевидно, что государство резко негативно относится к любой попытке отлучения русских подданных от православной веры, вне зависимости от инициатора, будь то немец или татарин. Ислам никоим образом не выделялся, наоборот, ставился на одну ступень с другими конфессиями.

Указ 1681 г. также констатировал привилегии новокрещенным. Те, кто переходил в христианство, получали жалованье и льготы: «давать жалованье помещным и безпоместным мурзам по десяти рублей, женам их по пяти рублей, детям их против матерей в полы, татаром по пяти рублей женам их по два рубли с полтиною детям их против матерей в полы» [14, с. 313]. Важно отметить, что основная масса мурз и служилых людей не имела крепостных крестьян, поэтому можно утверждать, что вышеперечисленные денежные суммы предназначались именно для этой категории служилых татар [8, с. 67].

Что касается других этносов Урало-Поволжья, в указе упоминается мордва, а также «иных вер иноземцы», для которых действовали те же льготы [14, с. 313]. Таким образом, в данном указе башкиры опять напрямую не упоминаются. Если даже согласиться с некоторыми историками, что указ от 16 мая 1681 г. охватывал не только территорию бывшего Казанского ханства, как было с предыдущими указами, но и простирался на территорию Башкирского края [2; 8; 9; 12], подобное вмешательство в духовную жизнь региона было осуществлено впервые через 124 года после вхождения в состав государства.

Указ от 16 мая 1681 г. был направлен на христианизацию аристократической элиты татар, а шестилетняя льгота от налогов и повинностей должна была способствовать крещению ясачного населения [8, с. 88]. Говорить о массовой насильственной христианизации, озаменованной изданием данного указа, будет неверно. Государство лишь защищало своих православных подданных.

Впрочем, мусульмане также были подданными, и государство не собиралось идти на полный разрыв отношений с ними. Недовольство иноверцев указом от 16 мая 1681 г. стало не последней причиной, вынудившей правительство пойти на его отмену уже через год. После воцарения Петра и Ивана Алексеевичей в мае 1682 г. было велено возвратить мурзам и татарам половину отобранных поместий и вотчин: «по челобитью мурз и татар, поместий их и вотчин быть за ними по половине, а другой половине быть в

отписных на Великих Государей» [14, с. 403]. Через 2 месяца, 13 июля того же года, «великие государи пожаловали мурз и татар поместьями и вотчинами другою половиною по прежнему» [14, с. 456]. Но подчеркивалось, чтобы они, «видя их великих государей милость, им великим государям служили, а ко крестьянам никаких налог, и православной христианской вере тесноты не чинили» [14, с. 456].

Государство по-прежнему нуждалось в услугах служилых людей разных национальностей. На фоне активизации российской внешней политики, нельзя было пренебрегать такой значительной воинской силой. Поэтому, начав с возврата отобранных земель, правительство фактически возрождает прежние правовые традиции. Налицо прагматичное отношение к вопросам вероисповедания со стороны властей. Приоритетным оставалась заинтересованность в верной службе инородцев, поэтому государство делает ставку на уступки, компромиссы, демонстрируя лояльное отношение к иноверцам.

С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что сами попытки государства мотивировать народы Урало-Поволжья сменить веру, создавали дополнительную нервозность в отношениях с подданными. Указы, направленные на социальную защиту новокрещен доказывают, что неблагоприятная в социально-экономическом плане группа ясачного населения, вероятно, воспользовалась предоставленным шансом улучшить свое благосостояние, однако растеряв предоставленные правительством преимущества, вскоре превратилась в батраков [8, с. 74]. Наметился своеобразный раскол внутри инородческого общества, что также не стабилизировало ситуацию на национальных окраинах. Накладываясь на сложные налоговые и поземельные отношения, все это приводило к серьезным последствиям. И хотя основным мотивом многочисленных башкирских восстаний было, прежде всего, желание сохранить экономические привилегии, требования о сохранности ислама также были названы повстанцами, которые стремились к сохранению полной автономии и невмешательства государства не только в жизнь мусульманского населения, но и в их отношения с зависимыми от них представителями других национальностей.

Маловероятно, что указ 1681 г. мог быть главной причиной восстания башкир 1681—1684 гг., так как территорией действия указа были «низовые города». Дореволюционные и советские историки считали, что к ним относились территории бывших Казанского и Астраханского ханств [4, с. 52; 17, с. 325]. Современные же исследователи тенденциозно расширяют территорию действия указа 1681 г. до бассейна Камы [7, с. 22].

Башкирские земли здесь не указаны, поэтому вероятнее всего, данные меры их либо не коснулись вообще, либо затронули только косвенно. Впрочем, башкирские земли, хоть и были слабо освоены, но не были изолированы, поэтому логично, что они знали об этом указе, но то, что они испытали на себе его действие крайне маловероятно. Борьба имела многостороннюю мотивацию: религиозный вопрос для повстанцев был тесно переплетен с социальным

и увязывался с сохранением прежнего статуса. Нельзя исключить и того, что руководители восстания внесли свою лепту в вольную интерпретацию указа от 16 мая 1681 г., называя его началом тотального принудительного крещения всех народов Поволжья и Приуралья [1, с. 14—17; 8, с. 74].

Часть историков XIX в. предполагала, что одной из главных причин башкиро-татарских восстаний XVII—XVIII вв. являлась активная пропаганда татарских мулл-переселенцев, «не хотевших подчиняться Русской власти и не терявших веры в возможность возврата старого магометанского порядка вещей» [18, с. 114].

Башкиры, поднимая восстание, и сражаясь за свои права, «превентивно» требовали от государства подтверждения неприкосновенности своих религиозных прав. Что и было сделано властями, к тому же в документах и нет упоминания о том, что государство планировало расширить территорию действия вышеназванных указов, включив в них башкирские земли. Русские поселенцы в Башкирии были малочисленны вплоть до 30—40-х гг. XVIII в., поэтому не требовались какие-то строгие меры для защиты христианского населения от воздействия мусульман, отсюда и невмешательство государства в конфессиональную жизнь башкир.

К концу XVII в. сформировалось две тенденции взаимоотношения власти с иноверными подданными: с одной стороны поощрение и всевозможные льготы новокрещенцам, с другой стороны — пресечение исламизации русского крестьянства. Как очевидно из указов конца XVI — XVII вв. совершенно неправомерно говорить о насильственном характере христианизации. В Московском государстве ни ислам, ни его религиозные учреждения никогда официально не запрещались. Власти не только не препятствовали функционированию старых мечетей, но и не запрещали строительство новых [16, с. 17]. Однако, сами мусульмане-вотчинники, вводя ограничения для православных крестьян, провоцировали государство на принятие законов санкционного характера. Государство демонстрирует однозначно негативное отношение к любым попыткам притеснения православных со стороны феодалов-мусульман. Наказание было суровое — лишение поместий и вотчин. Однако, немаловажен тот факт, что подобное отношение было не только к мусульманам, но и к инославным христианам. Поэтому неправомерно говорить о исключительном положении ислама в Российском государстве XVI—XVII вв. Также необоснованным является тезис о насильственной христианизации башкир. В указах данного периода Башкирский край практически не упоминается. Государство старалось посредством православного просвещения инкорпорировать, прежде всего, элиту, а затем уже ясачное население бывшего Казанского ханства. Башкиры же, в силу своей автономии, долгое время находились в стороне от этого процесса.

#### Литература и источники

1. Азаматов, Д. Д. Оренбургское магометанское собрание в конце XVIII — XIX вв. / Д. Д. Азаматов. — Уфа: Гилем, 1999. — 193 с.

2. Акманов, И. Г. Башкирские восстания XVII—XVIII вв. — феномен в истории народов Евразии / И. Г. Акманов. — Уфа: Китап, 2016. — 376 с.

3. Арсеньева, Г. В. Соборное уложение 1649 г.: закрепление ответственности за преступления против церкви и религии. / Г. В. Арсеньева // *Achievement of high School — 2013: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф.* — София: Бял ГРАД-БГ; ООД, 2013. — С. 3—6.

4. Багалей, Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. / Д. И. Багалей. — М.: Университетская тип. (М. Катков), 1887. — 634 с.

5. Бархин, И. Сожжение людей в России в XIII—XVIII вв. / И. Бархин // *Русская старина.* — 1885. — № 1. — С. 187—192.

6. Димитриев, В. Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI — 1861 г.). / В. Д. Димитриев // *Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР: труды НИИ Языка литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР.* Вып. 86. — Чебоксары, 1978. — С. 81—119.

7. Ермолаев, И. П. Создание Приказа Казанского дворца как модели управления полиэтничным регионом. / И. П. Ермолаев // *Окраины Московского государства и Российской Империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России.* — Казань, 2015. — С. 19—34.

8. Загидуллин, И. К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. / И. К. Загидуллин // *Из истории и культуры народов среднего Поволжья.* — Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани. — № 6. — 2016. — С. 62—93.

9. Загидуллин, И. К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI — начале XVII вв. / И. К. Загидуллин // *Средневековые тюрко-татарские государства.* — Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани. № 8. — 2016 — С. 146—166.

10. Ислаев, Ф. Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости / Ф. Г. Ислаев. — Казань: 2001. — 139 с.

11. Макаров, Д. М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI — XVII вв. / Д. М. Макаров. — Чебоксары, 1981. — 102 с.

12. Ногманов, А. И. Самодержавие и татары / А. И. Ногманов. — Казань: Тат. книжн. изд-во, 2005. — 215 с.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, Т. I. 1649—1675 гг. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1072 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, Т. II. 1676—1688 гг. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 — 979 с.

15. Покровский, И. М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования / И. М. Покровский. — Т. I. — Казань: Центральная тип-я, 1897. — 534 с.

16. Самсонов, Н. В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI — XVIII вв. (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 26 с.

17. Соборное Уложение 1649 г. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 444 с.

18. Фирсов, Н. Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве / Н. Н. Фирсов. — Казань : Тип. Императорского Казанского ун-та, 1866. — 261 с.

19. Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям

жить в услужении у татар и немцев. 18 июля 1593 г. // Акты Археографических экспедиций. — СПб, 1836. — Т. 1. — № 358. — С. 436—439. — URL: [http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor\\_1/gram\\_kazan\\_sloboda\\_novokresen\\_18\\_07\\_1593.php](http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor_1/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php)

20. Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. — Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 1999. — 352 с.

**ЧЕРНОВА Татьяна Анатольевна**, преподаватель кафедры педагогики и психологии, Троицкий филиал, Челябинский государственный университет (г. Троицк). E-mail: [chernova1607@yandex.ru](mailto:chernova1607@yandex.ru)

Поступила в редакцию 29 мая 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180311

## THE FORMATION OF THE PRINCIPLES OF MUTUAL RELATIONS OF RUSSIAN STATE WITH A MUSLIM POPULATION OF THE URAL-VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF XVI—XVII CENTURIES

**T. A. Chernova**, [chernova1607@yandex.ru](mailto:chernova1607@yandex.ru)  
Chelyabinsk State University, Troitsk, Russian Federation

The article discusses the trends that led to the relationship between the Moscow authorities to the Muslim population of the Ural-Volga region in the second half of XVI-XVII centuries. The author concretizes the terminology used in historiography, especially the term “violence” and its relationship with the government. Analyzes the texts of numerous decrees, concerning the religious life of Muslims, including the decree of May 16, 1681, presented in historiography as a turning point to full-scale oppression of the indigenous peoples of the Volga region. The reasons, pushing the state to impose sanctions against the Muslim population. Of particular interest to the author is the geography of these decrees and the scale of their influence on the Bashkir. The conclusion about the absence of a legislated policy of Christianization of non-Russian population of the Volga and Ural region. And also refuted the idea that the decree of 1681, was the main reason of the Bashkir revolt 1681-1684, he analyses the situation of the Islam compared to other non-Orthodox religions.

*Keywords:* Islam, Muslim Volga-Ural, religious policy of the Russian state, the Tatars, the Bashkir rebellion.

### References

1. Azamatov, D.D. Orenburgskoe magometanskoe sobranie v konce XVIII — XIX vv. [Orenburg Mohammedan Assembly in the end of XVIII — XIX centuries.] / D.D. Azamatov - Ufa, Gilem, 1999. - 193 p.
2. Akmanov, I.G. Bashkirskie vosstaniya XVII-XVIII vv. — fenomen v istorii narodov Evrazii. [Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries — a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia.] / I.G. Akmanov. — Ufa: Kitap, 2016. — 376 p.
3. Arsen'eva, G.V. Sobornoe ulozhenie 1649 g.: zakreplenie otvetstvennosti za prestupleniya protiv cerkvi i religii. [The Cathedral code of 1649: securing justice for crimes against the Church and religion.] / G.V. Arsen'eva // Achievement of high School-2013 Materials IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. [Achievement of high School-2013 Materials IX International scientific - practical conference.] - Sofija, izd-vo: “Bjal GRAD-BG” OOD, 2013. — p. 3-6
4. Bagalej, D. I. Oчерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. [Essays from the history of colonization of the steppe margin of the Moscow state.] / D. I. Bagalej — M.: Universitetskaja tip. (M. Katkov), 1887 g. — p. 634
5. Barhin, I. Sozhzhenie ljudej v Rossii v XIII-XVIII vv. [The burning of people in Russia in the XIII-XVIII centuries.] / I. Barhin // Russkaja starina. [Russian olden time.] 1885. № 1. - p. 187 - 192
6. Dimitriev, V.D. Rasprostranenie hristianstva i chuvashskie narodnye massy v period feodalizma (seredina XVI-1861 g.). [The spread of Christianity and the Chuvash of the masses in the period of feudalism (mid XVI-1861).] / V.D. Dimitriev // Problemy religioznogo sinkretizma i razvitie ateizma v Chuvashskoj ASSR. Trudy NII Jazyka literatury, istorii i jekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvashskoj ASSR. [Problems of religious syncretism and the development of atheism in the Chuvash ASSR. Proceedings of research Institute of Language, literature, history and Economics with the Council of Ministers of the Chuvash ASSR] Vyp. 86. - Cheboksary, 1978. — p. 81-119
7. Ermolaev, I.P. Sozdanie Prikaza Kazanskogo dvorca kak modeli upravlenija polijetnichnym regionom. [The creation of the Order of the Kazan Palace as a model of management of a multiethnic region.] / I.P. Ermolaev // Okrainy Moskovskogo gosudarstva i Rossijskoj Imperii: innovacionnye podhody v izuchenii Imperskoj istorii Rossii. [The outskirts of the Muscovite state and Russian Empire: innovative approaches in the study of Imperial Russian history.] — Kazan', 2015. - p.19-34
8. Zagidullin, I.K. Ob ukaze carja Fedora Alekseevicha «ob otpiske u murz i tatar pomestij i votchin, i o vygodah, kakie prinjavshim hristianskuju veru predstavljajutsja» ot 16 maja 1681 goda. [About the decree of Tsar Fyodor Alekseevich, “on

the evasion of the Moors and Tatars of the estates and of the estates, and the benefits, which adopted the Christian faith are” dated may 16, 1681.] / I.K. Zagidullin // Iz istorii i kul'tury narodov srednego Povolzh'ja. [From the history and culture of the peoples of the middle Volga region.] - Kazan': izd-vo Instituta istorii imeni Shigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, № 6, 2016. - p. 62-93

9. Zagidullin I.K. Social'nye aspekty hristianskogo prosveshhenija novokreshhen v kazanskom krae vo vtoroj polovine XVI - nachale XVII vv. [Social aspects of Christian education novokrest in the Kazan province in the second half of XVI - early XVII centuries.] / I.K. Zagidullin // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. [The medieval Turkic-Tatar States.] - Kazan': Izd-vo Instituta istorii imeni Shigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, № 8, 2016 — p. 146-166

10. Islaev, F.G. Islam i pravoslavie v Povolzh'e XVIII stoletija: ot konfrontacii k terpimosti. [Islam and Orthodoxy in the Volga region in the XVIII century: from confrontation to tolerance.] / F.G. Islaev - Kazan': 2001 g. — 139 p.

11. Makarov, D.M. Samoderzhavie i hristianizacija narodov Povolzh'ja vo vtoroj polovine XVI-XVII vv. [Autocracy and the Christianization of the peoples of the Volga region in the second half of XVI-XVII centuries.] / D.M. Makarov. - Cheboksary, 1981. — 102 p.

12. Nogmanov, A.I. Samoderzhavie i tatary. [Autocracy and Tatars.] / A.I. Nogmanov. - Kazan', Tat. knizhn. izd-vo, 2005 g. — 215 p.

13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe, T. I. gg. [Complete collection of laws of the Russian Empire. The collection first. V. I. 1649 - 1675] / Pod redakciej M.M. Speranskogo. SPb. Izd-vo: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830 - 1072 p.

14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe, T. II. gg. [Complete collection of laws of the Russian Empire. The collection first. V. I. 1676 - 1688] / Pod redakciej M.M. Speranskogo. SPb. Izd-vo: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830 — 979 p.

15. Pokrovskij, I.M. Russkie eparhii v XVI-XIX vv., ih otkrytie, sostav i predely. Opyt cerkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovanija. [The Russian diocese in the XVI-XIX centuries., their discovery, composition and limits. The experience of Church-historical, statistical and geographical studies.] / I.M. Pokrovskij - Kazan': Central'naja tip-ja, 1897. - T. 1. — 534 p.

16. Samsonov, N.V. Pravovoe polozhenie musul'man v Rossii vo vtoroj polovine XVI—XVIII vv. (istoriko-pravovoj aspekt). [The legal status of Moslems in Russia in second half XVI—XVIII centuries (istoriko-legal aspect).] / N.V. Samsonov // Avtoreferat disser. na soisk. uch. stepeni kandidata juridicheskikh nauk. [Abstract of the dissertations. on competition of a scientific degree. academic degree of candidate of legal Sciences.]— M., 2007. — 26 p.

17. Sobornoe Ulozhenie 1649 g. [The Cathedral Code of 1649.] / Sost., podgot. teksta, vstup. st., komment. M.N. Tihomirov, P.P. Epifanov. - M., izd-vo Mosk. un-ta, 1961 — 444 p.

18. Firsov, N.N. Polozhenie inorodcev severo-vostochnoj Rossii v Moskovskom gosudarstve. [The situation of foreigners in North-Eastern Russia in the Moscow state.] / N.N. Firsov. - Kazan': Tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1866. — 261 p.

19. Carskaja gramota v Kazan', o postroenii slobody s cerkov'ju i perevode tuda iz uezda novokreshhenov, pokolebavshijsja ot sosedstva s inovercami v pravoslavnoj vere, o razrushenii tatarskih mechetej, s zapreshheniem vpred' stroit' onye, i o nedozvolenii russkim ljudjam zhit' v uslužhenii u tatar i nemcev. 18 ijulja 1593 g. [The Royal Charter in Kazan, about building a settlement with the Church and translated the da of the County novokreshchenov, pokolbasitsja from the neighborhood to the Gentiles in the Orthodox faith, the destruction of the Tatar mosques, the prohibition to continue to build therein, and nedozvoljena Russian people to live in the service of the Tatars and Germans. 18 Jul 1593] // Akty Archeograficheskikh jekspedicij. [Acts of the Archeographical expeditions.] - SPb, 1836. t. 1. - №358. - P. 436-439 // [http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor\\_I/gram\\_kazan\\_sloboda\\_novokresen\\_18\\_07\\_1593.php](http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php)

20. Junusova, A.B. Islam v Bashkortostane. [Islam in Bashkortostan.] / A.B. Junusova. — Ufa: Ufimskij poligrafkombinat, 1999. — 352 p.

Received May 29, 2018

#### ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чернова, Т. А. Формирование принципов правового взаимоотношения Российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI — XVII вв. / Т. А. Чернова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 69—75. DOI: 10.14529/ssh180311

#### FOR CITATION

Chernova T. A. The formation of the principles of mutual relations of russian state with a muslim population of the Ural-Volga region in the second half of XVI—XVII centuriep. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 69—75. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180311